

УДК 398(=511.131)(086.72)

В. Н. Денисов

**О ФОНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЯХ КУЗЕБАЯ ГЕРДА,
СОБРАННЫХ В ЭКСПЕДИЦИЯХ
НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ В 1920-Х ГОДАХ**

В статье рассматриваются вопросы участия Кузебая Герда (К. П. Чайникова) в фольклорно-лингвистических экспедициях на территории Вотской автономной области в 1920-х годах. Есть подтвержденные сведения, что в этих экспедициях широко использовался фонограф, весьма популярный в те годы среди лингвистов и фольклористов. Известный удмуртский этнограф, как участник большинства экспедиций, был одним из первых, кто использовал такой аппарат в полевых условиях. В статье приводятся несколько важных и существенных фактов из истории использования фонографа и восковых валиков, позволяющих понять некоторые специфические особенности технологии звукозаписи, а также особенности хранения восковых валиков как носителей звучащих коллекций.

На некоторых восковых валиках сохранился голос Кузебая Герда, но точная идентификация голоса ученого затруднена в силу отсутствия подтверждающих документов (метаданных к записям), а также низкого качества звучания записей на восковых валиках. Не сохранилось также подтвержденных записей на других носителях, например, на граммофонных пластинках, которые могли бы помочь узнать его голос. Тем не менее возможности идентификации голоса известного удмуртского ученого и этнографа Кузебая Герда, сохранившегося на восковых валиках, все еще остаются.

Ключевые слова: фольклорные и лингвистические экспедиции, удмуртские песни, исполнители и информанты, история звукозаписи, фонограф и восковые валики, фонограммархив, идентификация голоса, метаданные, сохранение звуковых коллекций.

В 1920-х гг. прошлого века известный деятель удмуртского просвещения, поэт, писатель и ученый Кузебай Герд (К. П. Чайников) был активным участником нескольких фольклорно-лингвистических экспедиций на территории Удмуртии, в том числе организованных по инициативе известного русского фольклориста академика Ю. М. Соколова и члена-корреспондента Д. В. Бубриха. Это был сложный послереволюционный период, когда еще только происходил процесс формирования единых норм литературного удмуртского языка, и шло определение контуров будущего национально-территориального устройства удмуртов,

поэтому основными задачами экспедиций являлись определение и описание тех диалектов и говоров, которые в будущем могли стать основой литературного языка. К участию в удмуртских фольклорно-лингвистических экспедициях привлекались лучшие специалисты из Удмуртии, Казани, Москвы и Ленинграда. Кузубай Герд, который в 1922–1925 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте, а затем, в 1926–1929 гг., – в аспирантуре НИИ этнических и национальных культур народов Востока, также не мог оказаться в стороне от таких важных событий. Еще в юности, поступив в 1912 г. в Кукарскую учительскую семинарию (ныне г. Советск Кировской области), Кузубай Герд начал собирать удмуртские песни, загадки, пословицы. Поэтому участие в экспедициях было для него вполне естественным. «Счастливым сочетанием яркого таланта с глубоким знанием народного творчества и с уникальной исторической обстановкой выдвинули Герда на передний край культурной жизни удмуртов тех лет» [10]. В течение всех последующих лет, начиная с 1918 г., Кузубай Герд продолжал свою активную собирательскую деятельность как самостоятельно, так и в составе различных экспедиций [более подробную информацию о результатах этих экспедиций см.: 1].

Многие из современных ученых, исследовавших жизнь и творчество Кузубая Герда, в той или иной степени затрагивали вопросы его участия в экспедициях тех лет, которые активно проводились в 1920-е г. в местах проживания удмуртов. Но, на наш взгляд, наиболее полно и последовательно анализ фольклорно-лингвистических экспедиций, в том числе и археолого-этнографических, на основе большого объема архивных материалов приводится в статье кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника УИИЯЛ УрО РАН В. С. Чуракова [9]. В ней, помимо информации об организаторах и участниках экспедиций, местах их дислокаций и ходе работы, приводятся также сведения об использовании фонографа в процессе сбора фольклорно-этнографического материала. Но именно этот аспект, также как и ряд других вопросов, касающихся участия К. Герда в упомянутых научных экспедициях, оставляет еще много неясного, а порой и загадочного. В первую очередь, это относится к проведению фонографических записей образцов речи и песенного фольклора с помощью фонографа Эдисона. Из архивных материалов, проанализированных В. С. Чураковым, очевидно, что впервые упоминание о проведении фонографических записей в экспедициях, в которых участвовал Кузубай Герд, связано с Восточно-финской этнографической экспедицией в Карлыганский край Марийской АО летом 1925 года. Затем упоминаются экспедиции 1926, 1927 и 1928 гг. на территории Удмуртской АО, в которых также зафиксировано использование фонографа для записи фольклорных материалов.

И действительно, будучи современно мыслящим и творческим человеком, Кузубай Герд стремился использовать в своей собирательской работе не только традиционные методы сбора материала, но также популярный в те годы фонограф Эдисона, с помощью которого языковой и фольклорный материал фиксировался на восковых валиках (цилиндрах). Можно с уверенностью предположить, что он был одним из первых удмуртских фольклористов, опробовавших в своих экспедициях фонограф. Из материалов отчета самого Кузубая Герда об участии в экспедиции в марте–сентябре 1926 г. известно, что еще до ее начала он специально посетил Казань для знакомства с местным этнографическим

музеем и заодно приобрел там для Удмуртского областного музея несколько необходимых приборов, в том числе и фонограф с 25 валиками [6]. Кроме того, у исследователя был собственный аппарат для записей, и по всей вероятности, фонограф, который хранится в настоящее время в Национальном музее Удмуртской Республики им. К. Герда, мог принадлежать именно ему. По данным различных исследователей, за все время работы в экспедициях он записал от 100 до 300 восковых валиков с удмуртскими песнями [4], из которых до нас дошла лишь незначительная часть.

Для того чтобы лучше представлять особенности работы с фонографом Эдисона, который использовал Кузубай Герд в экспедициях, необходимо сделать небольшой экскурс в историю звукозаписи. Всем известно, что аппарат для записи речи – фонограф был изобретен еще в 1877 г. известным американским инженером Томасом Эдисоном (1847–1931). Событие это стало весьма знаменательным, повлиявшим на дальнейшее развитие всей звукозаписывающей техники. В России фонограф появился практически сразу же после начала его массового производства, а первая известная запись датируется 1889 годом [2]. Сейчас трудно себе это представить, но в конце XIX в. в России были тысячи фонографов. Популяризатором и распространителем этого аппарата в России был германский подданный Юлий Блок (1858–1934), предприниматель, этнограф, музыкант и ученый. Будучи личным другом Томаса Эдисона, Ю. Блок представлял его интересы и занимался поставкой звукозаписывающих аппаратов в Россию.

Фонограф Эдисона использовался во многих сферах деятельности человека, но особенно его полюбили музыковеды и этнографы, бравшие этот аппарат в экспедиции. Небольшие размеры и вес, удобство и простота в обслуживании сделали его незаменимым в работе в полевых условиях. Но фонограф имел и свои слабые стороны. В первую очередь это касалось восковых валиков, на которые записывался звук, поскольку воск достаточно мягкий материал, а многократное прослушивание при последующем анализе и расшифровке записанного материала значительно ухудшало его качество. Поэтому многие дошедшие до нас архивные записи на валиках столь низкого качества. Кроме того, для длительного хранения валиков необходимы были особые условия, которые могли создать лишь специальные звуковые хранилища. Постоянные перепады температуры и влажности со временем нарушали целостность воскового валика, а иногда и разрушали его.

В работе с фонографом существовало обязательное правило: по завершении процесса записи внутрь каждого воскового валика помещался вкладыш, на одной стороне которого указывалась необходимая информация, включающая в себя: а) номер записи; б) место записи; в) дата записи; г) тип фонографа и скорость записи, а на другой отмечались названия песен или наигрышей, инструмент(ы), фамилии и инициалы исполнителей, их возраст, а иногда профессия или место работы. Некоторые исследователи в процессе записи в начале или в конце исполнения дополнительно объявляли данные об исполнителе. Таким образом, сведения об информанте, кроме вкладыша, могли быть записаны еще на самом валике. Помимо вкладышей обычно в экспедициях исследователи отдельно вели подробные описи с указанием большого количества данных, которые позволяли

в конечном итоге иметь полную сопроводительную информацию (метаданные) о собираемых звуковых коллекциях.

Часто случалось так, что исследователи, обладая хорошим музыкальным слухом и исполнительским талантом, сами записывали себя на фонограф. Тем самым они оставляли на валиках образцы своего голоса, что имеет сейчас несомненную историческую ценность. Именно так случилось, например, с М. П. Петровым, который в марте 1937 г., находясь в экспедиции по заданию Фонограммархива фольклорного кабинета Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР в Удмуртской АССР, записал на восковой валик две песни: «Султы, туганэ» («Вставай, мой друг») и «Ой, бусы но шорьёсын» («Ой, среди поля») в собственном исполнении [3]. Благодаря этому событию мы имеем теперь возможность услышать голос великого удмуртского писателя и поэта.

Что касается коллекции валиков Кузубая Герда, обнаруженной в 1980-х гг. в Москве [11] и переданной затем на хранение в Фонограммархив Института русской литературы РАН (ИРЛИ; Пушкинский Дом), то они оказались без описей и вкладышей. По всей вероятности, рукописные материалы, относящиеся к звуковым коллекциям, были конфискованы во время ареста или утеряны, оказавшись отдельно от валиков. Еще в конце 1980-х гг. записи с восковых валиков удалось переписать на магнитную ленту, а затем их копии были переданы в УИИЯЛ УрО РАН. Но переписаны были только 36 валиков, поскольку валик под номером 6016 оказался в очень плохом состоянии. В целом из богатейшей коллекции фонографических записей, собранных Кузубаем Гердом во время экспедиций 20-х гг. прошлого века, до нас дошли лишь 37 валиков, на которых записано 59 песен, общее время звучания записей – 65 минут. В Фонограммархиве ИРЛИ его коллекции хранятся под № 240, порядковые номера шифров – 6010–6046.

Копии записей, переданные в Удмуртию на магнитофонных лентах, в процессе реализации проекта ЕАР 347 по переводу в современный цифровой формат фольклорных коллекций института в 2010–2012 гг. были также оцифрованы и размещены в сетевом хранилище этого научного учреждения. Слуховой анализ данных записей показывает, что при включении их в состав коллекций Фонограммархива ИРЛИ номера валикам были присвоены произвольно, без учета времени их записей, поскольку не было никакой сопроводительной документации. Тем не менее можно предположить, что основная часть обнаруженной коллекции восковых валиков К. Герда относится к 1929 году. Об этом иногда прямо говорят голоса самих собирателей, звучащие на валиках. На 12 валиках из 36, помимо исполнения песен, записаны голоса собирателей, объявляющих на удмуртском языке имя и фамилию исполнителя, его возраст, место и дату записи, а иногда и жанр. Причем на четырех валиках (№№ 6014, 6023, 6027 и 6033) звучит очень низкий мужской голос, объявляющий имена исполнителей, место и дату записи: «*Гурезь-Партчи гуртысь Вавож ёросысь, гожтэмын 17 августэ 1929 аре*» («д. Бол. Гурезь-Пудга Вавожского района, записано 17 августа 1929 года»). В тех случаях, когда дата записи отсутствует, а упоминается только «ёрос» (район), это может означать, что запись сделана или в 1929, или 1930 г., поскольку административные районы Удмуртской автономной области стали именоваться «ёросами» только с лета 1929 года [7].

На валиках (№№ 6010, 6015, 6031, 6032, 6042) мужской голос также объявляет данные, но указывает только место и дату записи: «д. Пазял-Жикья, 17 августа 1929 года».

На оставшихся валиках (№№ 6038, 6040 и 6041) мужской голос объявляет имена исполнителей и дату записи, но из-за низкого качества звучания место записи не всегда можно определить. Особый интерес представляют валики под номерами 6038 и 6040, в которых упоминается место записи – Можгинский район и г. Можга. Из услышанного на валике 6040 все же можно понять, что исполняется бортничья (пчеловодная) песня, а после исполнения мужской голос объявляет следующее: «*Кырзас Евстафьев Дмитрий... Малмыжский уезд, 23 июля 1921 г., город Можга...*». И если данный валик действительно был записан Кузебаем Гердом, это может означать, что он имел навыки работы с фонографом уже в 1921 году, а не позже, как это можно понять из сохранившихся архивных документов [8].

После получения копий записей Кузебая Герда из Фонограммархива ИРЛИ в конце 1980-х гг. в среде удмуртской научной интеллигенции утвердилось мнение, что на одном из валиков имеется запись песни в исполнении самого Кузебая Герда. Тщательный анализ всех исполненных мужскими голосами песен в коллекции восковых валиков показывает, что на валике 6013 действительно есть запись мужского голоса, исполняющего гостевую песню «*Кызы меда лыктйды...*», который мог принадлежать ему. Такое вполне возможно, учитывая любовь Кузебая Герда к народной песне, а также принимая во внимание высказывания современников, которые отмечали его талант к пению. Так, например, его непосредственный наставник Ю. М. Соколов, давая характеристику своему талантливому ученику, писал: «К тому же К. Герд обладает двумя важными для фольклориста качествами: поэтическим даром... помогающим усвоению особенностей народного поэтического творчества, и музыкально-вокальными способностями, дающими ему возможность заниматься сложными вопросами о связях словесного текста и музыкального мотива» [5]. Учитывая все обстоятельства, связанные с записями, можно предположить, что песня на валике № 6013 могла быть исполнена им самим. И все же без документальных подтверждений нельзя категорически этого утверждать.

В ноябре 2011 г. шло празднование 100-летнего юбилея Августы Васильевны Конюховой, известного лингвиста, одного из авторов первых учебников удмуртского языка. Оказалось, что в самом конце 20-х гг. незадолго до ареста Кузебая Герда она встречалась и даже беседовала с ним, поэтому мы обратились к ней с просьбой прослушать голоса с восковых валиков, объявляющих данные об информантах. Перед этим с помощью специальной звуковой программы записи голосов были очищены от шума и треска, усилен сам сигнал, т. е. проведена в определенной степени реставрация записи. Прослушав записи, Августа Васильевна не смогла точно определить, какой же из голосов принадлежит Кузебаю Герду. Впрочем, это и неудивительно: записи на восковых валиках далеки от совершенства, тембр голоса сильно изменен, да и качество записи, как уже отмечалось ранее, очень низкое. Кроме того, прошло уже более 80 лет с той знаменательной встречи с К. Гердом.

Остается только надеяться, что рано или поздно в архивах обнаружатся рукописные материалы и описи коллекций, которые помогут идентифицировать голос удмуртского этнографа и пролить свет на его участие в вышеупомянутых экспедициях. Уникальное звуковое наследие Кузебая Герда необходимо в полном объеме сохранить для будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бубрих Д. В. Из результатов работ Удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка. Ижевск, 1992. С. 3–28; Васильева О. И. Удмуртская интеллигенция: формирование и деятельность. 1917–1941 гг. Ижевск, 1999; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984; Ермаков Ф. К. Кузебай Герд (жизнь и творчество). Ижевск, 1994; Каракулов Б. И. Лингвистическая экспедиция Д. В. Бубриха к удмуртам и проблема единого удмуртского литературного языка // Пермистика: диалектика и история пермских языков. Сыктывкар, 1992. С. 40–47; Кельмаков В. К. Д. В. Бубрих и удмуртское языкознание: послесловие и примечания к статье «Из результатов работ Удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г.» (К 100-летию со дня рождения) // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка. Ижевск, 1992. С. 29–27; Кузнецов П. К. Культурная революция в Удмуртской АССР. Ижевск, 1975; Лебедева С. Х. Краткий обзор этнографических коллекций музея: этнографические экспедиции // Музей: история и современность. Ижевск, 2000. С. 57.

2. Горелов А. А., Марченко Ю. И. Отдел народнопоэтического творчества / Пушкинский Дом. Материалы к истории 1905–2005. СПб., 2005. С. 227–229.

3. Денисов В. Н. К 105-летию удмуртского классика М. П. Петрова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 41–59.

4. Денисов В. Н. Услышим ли мы голос Кузебая Герда? // XV республиканские Гердовские чтения: Трофим Борисов и Кузебай Герд – яркие личности в истории удмуртского народа / Сост. В. М. Ившина. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. С. 46–49.

5. Ермаков Ф. К. Русский академик об удмуртском ученом // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / Сост. и лит. обработка З. А. Богомоловой. Ижевск, 1998. С. 62.

6. Лебедева С. Х. История одного экспоната // Кузебай Гердлэсь нимзэ буре ваёнэн герзаськем IV лыдзёнъёс (Материалы IV Гердовских чтений «Кузебай Герд и вопросы национального строительства», 14 января 2002 года). Ижевск, 2003. С. 36.

7. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. Ижевск, 1995. С. 117–118.

8. Чураков В. С. Обзор фольклорно-лингвистических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20–30-е годы XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 2. С. 106.

9. Чураков В. С. Фольклорно-лингвистические и археолого-этнографические экспедиции, работавшие среди удмуртов в 20–30-е годы XX века (к проблеме вовлечения в научный оборот новых источников по традиционной культуре удмуртов) // Этническая история народов Удмуртии / Иднакар: методы историко-культурной реконструкции № 2 (19). [Текст]: научно-практический журнал. Ижевск, 2014. С. 54–103.

10. Чуракова Р. А. По следам Кузебая Герда-фольклориста // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / Сост. и лит. обработка З. А. Богомоловой. Ижевск, 1998. С. 544.

11. Шкляев В. Г. Письма Герда и Герду // Кузубай Герд и удмуртская литература: Сб. ст. / УИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1990. С. 150; Кузнецов Н. С. Из мрака... Ижевск, 1994. С. 67–68.

Поступила в редакцию 15.03.2014

V. N. Denisov

On Kuzebay Gerd's phonographic recordings collected during expeditions on the territory of Udmurtia in 1920th

The article is devoted to Kuzebay Gerd's (K. P. Chainikov) participation in the folklore and linguistic expeditions on the territory of the Udmurt autonomous region in the 1920th. It has been confirmed that during these expeditions the Udmurt ethnographer widely used the phonograph for recordings as it was quite popular among the linguists and folklorists at that time. K. Gerd was among the first Udmurt ethnographers who used such kind of recording equipment during his field researches. Several relevant facts connected with the history of sound recording and usage of phonograph and wax cylinders are provided in the article.

It is quite possible to recognize K. Gerd's voice recorded on several wax cylinders, but there is no metadata confirming that fact as well as his contemporaries who could recognize his voice. Another problem is quite low level of recordings on these wax cylinders. Unfortunately, there are no confirmed Gerd's recordings on gramophone records which could help with his voice recognition. Nevertheless, the possibility of identification of the well-known Udmurt scientist's voice preserved on wax cylinders still exists.

Keywords: folklore and linguistic expeditions, Udmurt songs, performers and informants, history of sound recording, phonograph and wax cylinders, phonogram-archive, voice identification, metadata, preservation of sound collections.

Денисов Виктор Николаевич,

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vicnicden@gmail.com

Denisov Viktor Nikolaevich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: vicnicden@gmail.com